

АЛЕКСАНДР ЯРОВОЙ

*доцент кафедры новейшей русской литературы
и современного литературного процесса
филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова*

ТРАДИЦИЯ ШЕВЧЕНКО В ТВОРЧЕСТВЕ БОРИСА ОЛЕЙНИКА

Восприятие культурных феноменов всегда глубоко лично, индивидуально. История “вообще”, культура “вообще”, как нечто абстрактное, могут существовать лишь для самого поверхностного и сиюминутного “пользования”. Когда же речь идёт о преемственности поколений, о памяти рода и народа, то духовно-культурные представления непременно и осязаемо материализуются. Сразу вспоминаются слова выдающегося украинского поэта-шестидесятника Бориса Олейника из глубоко философской и исполненной тревожного драматизма поэмы “Урок”:

*Все на цьому світі, сину,
Тонко зв'язане у сутнім...*

И тогда духовные понятия обретают “плоть” в родовых венчальных иконах, переходящих от родителей к детям; в орденах на гимнастёрке деда; в литографическом портрете Тараса Шевченко, купленном на ярмарке в Киевской губернии моей прабабушкой Надеждой, в родных автографах на книжных изданиях...

Ещё в мои старшие школьные годы отец подарил мне сборник поэм Бориса Олейника, изданный в 1983 году киевским издательством “Дніпро” фантастическим для бедной современной Украины тиражом – 28 000 (двадцать восемь тысяч!) экземпляров. Отец мой – украинец с деда-прадеда, и не обрусел он на службе в Советской Армии, которой отдал 40 лет, и читал он украинскую поэзию. Не обрусела и моя мама, учитель-украинист во втором поколении, а я – в третьем... Потому и невозможно лгать, когда иные требуют лгать.

А спустя многие годы знаменитый шестидесятник Борис Олейник подписал свои поэтические книги моим детям.

Вот такая удивительная связь времён... От предков далёких до потомков, от дедов до внуков протянулась нить этой высокой (потому что в ней равны Красота и Истина) поэзии.

Она настоящая, потому что ориентирована на непреходящие ценности.

А некоторые украинские поэты, пусть даже очень талантливые, но сбившиеся на путь “гимнотворчества” узкому хуторянству, на апологию нацио-

нальной обособленности и “исподлобной” русофобии, рано или поздно, хочется верить, поймут, что выбрали слепую ветвь художественной эволюции, которая иссохнет и отвалится в небытие...

Славянская культура была и будет единым организмом. Неохотно, к сожалению, вспоминают в современной Украине о кирилло-мефодиевских убеждениях Т. Шевченко, то есть о стремлении к культурному панславизму: ведь он был последователем идей “славянской литературной взаимности” знаменитого чешского “будителя” Яна Коллара (его работа “О литературной взаимности между славянами” была переведена на русский и напечатана в журнале “Отечественные записки” в 1840 году, и Т. Шевченко с ней ознакомился). О Колларе большинство теперешних украинских читателей знает (в лучшем случае) на уровне примечаний к академическому изданию “Кобзаря”. А ведь он называл Славянщину “Дщерью Славы”, призывал противостоять “тевтонской”, то есть западной, чужесловной, не славянской экспансии, с надеждой и восхищением говорил о культурной России как об плоте Славянского Мира.

Совесь и творческая интуиция сами, “автоматически” устанавливают диалоги и полилоги между великими поэтами! Филология имеет и метафизический, не только рациональный подход...

“Поэзия есть высший род искусства”, – эту первую фразу классического труда В. Белинского невольно вспоминаешь, когда обращаешься к поэзии, воспевающей воистину высокое, высшее.

У современного певца единой Славянщины – Бориса Олейника – есть цикл начала 80-х годов под характерным названием “Четыре посвящения бессмертным”. Это произведение из пяти разделов: вступления и четырёх стихотворений – о Тарасе Шевченко, Александре Пушкине, Иване Франко, Павле Тычине.

*Упал росой на духовный голод
Полей родных и планетарных меж...*

Великий поэт Украины, Шевченко, “рокочет глаголами небес”; он пробуждает народ к новой жизни: “нетленен он, ведь плоть его – во Слове”; слово гения Украины пробуждает древний, вольнолюбивый казацкий дух; поэт одновременно и титан, и ребёнок, глаголющий истину. С ним народ становится народом, жизнеутверждается.

Кстати, вступление цикла носит название “Интродукция” – именно этим латинским словом, распространённым в книжном барокко Украины, Т. Шевченко озаглавил своё поэтическое философское вступление к знаменитой поэме “Гайдамаки”. Шевченко размышляет о связи времён, о минувшем, настоящем и будущем, о смысле мировой и национальной истории, о судьбе человека в ней... “Интродукция” Бориса Олейника пронизана “похвалой соловью” – маленькой пташке, может, внешне незаметной миру, но зачаровывающей своим сладостным пением всякую живую, способную чувствовать прекрасное, душу. От палеолита до современности ведёт он свою руладу, и бессильны соперничать с ним и агрессивное вороньё, и смешной в певческих потугах хуторянский петух, и напыщенные гуси с их “римской” гордостью...

Не покажется ли слишком эклектичным набор имён для четырёх посвящений цикла? Даже не в том дело, что это личные вкусы и симпатии автора. Суть в ином: это люди общеславянской культурной парадигмы, умевшие любить и свой народ, и его культуру, и другие народы и культуры, потому что любили человека. Об украинской теме в поэзии Пушкина, о его влиянии на гениального Гоголя излишне сейчас в деталях говорить. Иван Франко – великий популяризатор русской словесности на просторах Украины Западной и Восточной. Он писал в статье “Формальный и реальный национализм” (1889): “Если произведения литератур европейских нам нравились, затрагивали наш вкус эстетический и нашу фантазию... , то произведения русских мучили нас, будили нашу совесть, будили в нас человека, будили любовь к бедным и униженным” (выделено автором. – А. Я.).

Кстати, общим гуманистическим философским темам творчества Франко и русских поэтов посвящена статья профессора МГУ С. И. Кормилова, опубликованная к 150-летию юбилею украинского писателя. А Павло Тычина – певец “чувства семьи единой”, поэт-интернационалист в самом возвышенном

смысле этого слова, и одновременно поэт глубоко национальный, как и Тарас Шевченко. Борис Олейник – продолжатель культурно-мировоззренческой и историософской линии своих предшественников.

Перу Бориса Ильича Олейника принадлежит монументальная поэма, уже относящаяся к новейшему литературному периоду, – “Трубит Трубеж”. Она переведена на русский язык Евгением Нефёдовым. Для современного русского читателя переводчик вынужден объяснять некоторые аспекты украинской истории, когда-то очевидные в общесоюзном образовательном контексте (за 23 года трагического разделения украинскую культуру подзабыли в России, а в современной Украине она подвергается фальсификаторским трактовкам). Что же значит символ-река в поэтической концептосфере Б. Олейника? “Трубеж – речка, приток Днепра. На ней стоит Переяслав-Хмельницкий, город Переяславской Рады, колыбель братства Украины с Россией... На Трубеже, в тех краях, шли битвы казаков с ляхами, несущими кровавую унию как инструмент духовного, а потом, закономерно, и физического порабощения”. Отметим, что перевод Е. Нефёдова, как и переводы его коллег, представленные в фундаментальном томе “Избранного” – динамичные, яркие, хорошо передающие специфику олейниковского стиля.

Трубеж уподобляется горну, трубе, боевой клич которой ещё протрубит для последней, апокалиптического накала, решающей битвы православной Славящины с тьмой.

*Трубит Трубеж: мы вышли на рубеж
Меж сумраком и светом воли гордой...*

Гетману Богдану Хмельницкому его неверный союзник – хан – с “азиатской” беспощадностью говорит в глаза о том, что ждёт Украину в грядущих днях, о далёком будущем, когда народ примет за свободу обман и новый вид рабства – скрытого, ещё более опасного... После славословий и торжественных майданных перезвонов, оказывается, соотечественников и потомков гетмана жестоко обманут:

*Учти, Богдан, что сразу в миг тот краткий
Хозяин новых мировых порядков
Твой род, людей твоих наивных, как курей,
Возьмёт приманкой, импортной и сладкой,
И Украину наречёт... Юкрейн.*

Недаром это предсказание вложено в уста хана: даже психология восточной деспотии и хитрости (хан, подчеркнём, был очень изменчивым союзником Хмеля, требующим огромной платы; Шевченко назвал это отдачей Украины “татарам на пашню”, потому что войско Ислам-Гирея разоряло украинскую людность) и даже такой тип коварного мышления и поведения блекнет перед ужасным коварством и бесчестностью западной злой силы.

Поэма весьма многопланова. Написанное в 1997 году (первая публикация – в киевском журнале “Дн про” того же года, № 1–2) произведение вскрывает множество общих уже тогда для Украины и России проблем. Социальный хаос, политический обман и разграбление народа, унижение национального достоинства и фальсификация истории, культивирование вражды между людьми и народами, пропаганда лжеценностей так называемого “свободного мира” и безраздельно триумфовавшая тогда философия базара, распродажи всего – до святынь включительно.

Фантастическая картина базара напоминает макабрическую атмосферу сборника “Весёлое кладбище” (“Веселий цвинтар”) Василя Стуса. Не удивительно ли то, что сходясь в бичевании общественных пороков разных лет поэт-коммунист и диссидент-антисоветчик? Как сказал Б. Олейник в одном интервью: “Если бы все сидели в тюрьме, то кто бы здесь работал на Украину?” Думается, эти два энергетических ядра украинского шестидесятничества – В. Стус и Б. Олейник – в совокупности могут уравновесить для современности прямое отсутствие Т. Шевченко (его слово, конечно, с нами, но это уже другая эпоха).

И вот на этом по-босховски фантазмагорическом базаре появляется фигура, вызывающая инстинктивное, мистическое уважение и преклонение –

*...и было чувство,
Что хоть одет не шибко современно,
Но это кто-то главный непременно.
“Хозяин!” — вострепнулся весь базар...*

Это Шевченко.

Один из двух гетманов Украины – в интерпретации Олейника. Два вождя её в веках, на путях национальной истории – великий Богдан и великий Тарас.

*Тот пригляделся к коdle муравьиной,
И громом гнев рванулся из груди:
“Вот это доборолась Украина
Уже до краю. Господи, прости!”*

И вся вострепнувшаяся масса разнообразных коробейников-торгашей-мошенников не верит своим глазам: “Шевченко ж умер!” А он, оказывается, живой. Реминисценция Олейника на шевченковское “доборолась Украина...”, когда “горше ляха свои ж дети / её распинают...” в высшей степени актуальна сегодня. И к счастью (поэзия не стареет!), и, к сожалению (“лихо” остаётся) ...

Как голос из ада, звучат зловещие речи “новых хозяев миропорядка” и о том, как выдавали “кредит под ваши флаги и хоругви”, и циничное заявление, что “кто платит – тот закажет вам гопак”, и признание (что уж таить?), что теперь покупается-продаётся всё: “державность, знамя, президент”... Не отработаны кредиты? – “Мы гуманисты: пусть попашут дети...” Народ куплен на “брехне патриотичной”. “Эпоха денег” сделала своё чёрное дело: “вы наши – за долги”...

Неудобны для новых хозяев только Шевченко да певцы-кобзари (метафора честных народных поэтов), которые ещё остались, которые “плюют на доллар”...

В этой поэме правда именно шевченковской пробы, правда нового времени и призыв к новому освобождению. Тарас в поэме говорит о “последнем Рубиконе”. В его уста Борис Олейник вкладывает слова:

*Уже не ханы топчут наше жито,
Не ляхи, не родные московиты,
То сам князь тьмы,
На свет пойдя войной,
Не войско выслал —
А трясёт мощной.*

Показателен надвременный диалог Хмельницкого и Шевченко. Хмельницкий разочарован: “За что ж мы гибли, если всем добром // Распорядились внуки так никчёмно?...” Но Шевченко (в диалоге сочетается образ мудреца и образ гетмана-воина) говорит, что куплено не всё! Остались “корни и святыни”, а приобретено недругами то, что само продалось, ничего не стоящее: враг “...получил уже в который раз // лишь дрянь, что непотребна Украине”.

В предисловии-автобиографии с названием, взятым из слов украинского классика XX века (“Новая жизнь нового жаждет слова”) к “Избранному” Борис Олейник вспоминает о “землячке”, выкопавшем принадлежащие советской райгазете шрифты (их спрятал отец поэта, идя на фронт). И “землячок” начал издавать оккупационную газету. А поэт уже с высоты прожитых десятилетий пишет: “С той поры по сегодняшний день во мне живёт непоколебимое презрение ко всяким отступникам, перебежчикам, одним словом, – к предателям”.

Украина стоит перед главным сражением: за души, за истину Божию и за совесть человеческую. Но в этой битве бессильны сабля и пушка: это уже время сражения духовного. Победа – за Словом, словом правды. “Истина свободит вы”, – как сказано Спасителем.

*Святой и грозной будет эта сеча!
И ринется свой шабаш править нечисть,
Чтоб Слово Истины зажать уста.*

*Так пусть же, гетман, и менем Христа
С твоею саблей Слово сдвинет плечи
Под сенью православного Креста!*

Оставшихся необезумевшими и неослепшими, оставшихся истинными сыновьями своего народа, непродавшихся, мужественных “лицарей” Духа благословляет Бог, предки, народные поэты-кобзари, собор матерей (никто в украинской литературе XX века, к слову, так не воспел Мать, как Борис Олейник! Вспомним сборник “Седая ласточка”, знаменитую поэму “Солнце седое моё”, ряд лирических стихотворений...) “Песня о матери” – одна из трогательных песен на слова поэта, популярная на Украине уже на протяжении нескольких десятилетий.

Относительно типологии поэм Бориса Олейника украинский критик Микола Ильницький писал, что их можно поделить на два вида: 1) поэма-цикл; 2) поэма, базирующаяся на некоем образе-символе. В поэме “Трубит Трубеж” соединяются, в известном смысле, обе эти разновидности.

Генетическая память прошлого, глубокое понимание современности выразительно присутствует в поэзии Бориса Олейника, как и в пламенных строчках Тараса Шевченко. Дух настоящей свободы ведёт к победе за достойное будущее Украины.

Борис Олейник хранит соборную всеславянскую память об общей цивилизационной истории; разъединение алогично для неё!

В своём дипломатическом прошлом Борис Олейник стоял в живой цепи на Бранковом мосту через реку Савку в истерзанной Югославии, а вверху над людьми хищно неслись, как стервятники, натовские бомбардировщики...

Не байронический ли это порыв уже в новых временах?!

Победа над фашизмом – это та макротема, в которой поэтическая мысль Бориса Олейника синтезирует горький опыт, воспоминания, радость и боль. Он, как и Лина Костенко, писавшая, что её первое стихотворение создано в окопе, – родом из военного детства.

В стихотворении “Девятое мая сорок пятого” автор применяет приём “перевёрнутого бинокля”. Детство, омрачённое войной... Даже тень журавля на фоне слепящего солнца показалась ребёнку “мессером”...

*Спит в каждой хате очаг,
Вестью не тронут большою
Ни про разбитый рейхстаг,
Ни про салют над Москвою.*

Борис Олейник владеет чувством понимания единства всеславянской истории, борьбы противоположностей, развития (как синоним можно употребить “поступ” – хорошее украинское слово!) Сейчас в современной запутанной Украине дезориентированные массы пытаются к бездне раздоров и разделений... Много ли их, кто понимает упомянутое всеединство планетарных процессов так, как великие мастера украинского слова, например, Микола Бажан (речь, в данном случае, идёт о его “Сталинградской тетради” 1943 года)? Как объяснить ученику средней школы (когда обманутые уже учат обманутых, а несведущие – несведущих), что под Сталинградом, “как это ни удивительно”, засиял “для Украины светлый день свободы?”

Мальчик в стихотворении Бориса Олейника вбегает в школьную дверь – и... попадает будто в новую эру. Слышит голос учителя: “Война окончилась!” Уже даже выросли сыновья, а поэт всё вспоминает войну:

*Всё я бегу из войны
И просыпаюсь вдруг... в мире.*

А война опять запылаха... И ещё более страшная – братоубийственная. Война за умы: с них начинается всё.

Мысль–Слово–Дело...

Память остаётся. Вера остаётся. Нас объединяют общая Победа, много общих путей и переплетённых по-братски биографий.

200 лет Тарасу Шевченко. “По-доброму” бы праздновали радостно и дружелюбно Украина, Россия, Казахстан, Литва (Вильно-Вильнюс!), Польша...

Но мир, к сожалению, не тот... Обмануты народы; куплены элиты (или псевдоэлиты?.. Кому служат они? Своим ли народам иль чужакам?).

Однако же верим, что свершится чудо, и народы Славянщины прозреют.

*Заигрывать нельзя с народом.
Он видит всё, народ простой:
И кто есть ты, откуда родом,
И кем ты кажешься порой.*

(“Шевченко и народ”)

Отдельная тема – Борис Олейник в культурной парадигме СССР. В двух словах об этом не скажешь... Да, в “Избранное” 2014 года сознательно включены и такие стихотворения, как “Мавзолеем Ленина”.

В таких “форматах совести” пребывали тогда шестидесятники Украины: не были антисоветчиками, наоборот, стремились к “живому социализму”, верили в коммунизм! “Мы выжили, ибо имели надежду”, – сказал в упомянутом выше интервью Борис Олейник. Да, была и вера. Не в идеологию – в человека. И – жизнь по совести, по Богу даже при декларированном с трибуны атеизме.

О себе поэт сказал: “Я православный украинский коммунист...”

В украинских городах и весях крушат памятники Ленину?.. Но Украина до Ленина не имела государственных границ – никогда! УССР получила полноценную экономику лишь с присоединением Донбасса... Ну, было так, что поделаешь. История слишком “неправильна” для прямолинейных интерпретаций... Вот краткий штрих из совсем другой художественной плоскости: “Одни, проходя, вытирают глаза. Другие, более мистические по натуре, крестятся или благоговейно касаются барьера, окружающего стеклянный гроб с телом Ленина”, – это строчки американского классика: книга “Драйзер сморит на Россию”. 1927 год... Было!

Шевченко призывал (для украинцев эти слова хрестоматийны) изучать минувшее, не пропуская “ни титла, ни запятой” (“...не минайте ані титли, ніже тії коми”).

Не смешно ли читать в “Истории украинской литературы XX века” (издания 90-х годов) рассуждения такого типа о Б. Олейнике (это было время шельмования поэта, не поспешившего, вслед за многими собратьями по литературному цеху, побыстрее перекраситься в “руховские”, то есть, читайте, антирусские и прозападные, раскраски): “несмотря на талант, он остаётся оборонцем компартии, Ленина, большевиков – тех, кто уничтожал независимую Украину”... А может, только в Советском Союзе и была *действительная* Украина? Которую любили и творили люди совести?.. И которую мы четверть века... *теряем?*

На протяжении десятилетий Б. Олейника, духовного преемника Шевченко, волнуют вечные истины, тема моральных аксиом (яркий пример – известное стихотворение “К проблеме добра и зла”, с основной мыслью: зло не безымянно. За сердечником каждой пули стоит конкретный человек; а добро по своему исконному смирению может и скрываться от похвал)... Квинтэссенция идей кирилло-мефодиевства шевченковского образца звучит в таких произведениях Бориса Олейника, как программная “Ода братству”. Здесь автор прославляет мудрость Богдана Хмельницкого, вещие звоны Переяслава (“братания колокола”), звучащие в веках: несмотря ни на что, мы “делились всем”, напоминает поэт.

*Из пепелищ на Куликовом поле
Мы возродились к жизни навсегда!..*

*По-братски мы делились с тобою
В дни жатвы и под небом грозовым
Глотком воды, окопами, судьбою –
И только корень наш был неделим!*

Поэзия Шевченко для Бориса Олейника – как и для Василя Стуса – воздух, которым он дышит как художник, если упомянуть выражение украинского филолога из диаспоры Юрия Шевелёва-Шереха.

Высший подвиг человеколюбия — в утверждении братства между людьми и народами. Борис Олейник остаётся совестью украинского шестидесятничества, человеком, который может повторить вслед за великим Кобзарём слова о том, что не имеет “зерна неправды за собою”. Он продолжает, как и кирилло-мефодиевец Шевченко, великий украинец и великий славянин, утверждать фундамент “семьи вольной, новой”, в которой, по провидческому пожеланию Шевченко, “житом-пшеницею, как золотом, покрытая, не размежёванная останетса навеки от моря и до моря славянская земля...”

Сберечь совесть, равновеликую таланту, — это во все эпохи значит очень много.

Как мы видим, цепь личностей, неизменных в своих представлениях о высшей правде, тождественных самим себе, готовых отстаивать эту правду до конца — не прерывается. И потому есть надежда, что, по словам Тараса Шевченко, “будет правда на земле!”

Вероятно, первыми в каждую эпоху и в каждом народе правду провозглашают и охраняют поэты.

Когда верстался номер, стало известно, что Борису ОЛЕЙНИКУ присуждена премия “Прохоровское поле” — одна из самых престижных литературных премий России. Редакция сердечно поздравляет нашего давнего украинского автора и друга с высокой наградой.